

УДК 929.6

Закатаева А.С.

Московский государственный областной университет

ПОЛЬСКАЯ РОДОВАЯ ГЕРАЛЬДИКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ДО 1917 г.

A. Zakatayeva

Moscow State Regional University

POLISH HERALDRY IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY BEFORE 1917

Аннотация. В данной статье рассматривается уникальность польской геральдики в контексте западной геральдической системы, ее вклад в развитие российского герботворчества и основные противоречия в русской геральдической историографии по польскому вопросу в период с XVIII по начало XX вв.. Наличие польско-русских связей в родовой геральдике и геральдическом законодательстве свидетельствует о польском влиянии на отечественное герботворчество. Изучение споров об этом явлении, подтолкнувшем русских исследователей к более глубокому изучению собственного геральдического пространства, позволяет нам говорить о появлении новых концепций, издании ряда исторических трудов, а значит и становлении русской геральдики как науки.

Ключевые слова: генеалогия, герб, гербовники, историография, польская геральдика, шляхта.

Abstract. This paper argues the unique character of Polish heraldry as compared with other western heraldic systems. It also considers Polish heraldry's impact on the development of Russian coat of arms designing and reveals basic contradictions in Russian heraldic historiography concerning the Polish issue in the period from the 18th to early 20th centuries. The Russian-Polish ties in heraldry and heraldic legislation testify to Polish influence on Russian heraldry. By studying the disputes on this phenomenon which prompted Russian scholars to investigate more deeply the national heraldry and led to emergence of new concepts and historical treatises, the author comes to the conclusion that Russian heraldry acquires a scientific character.

Key words: genealogy, coat of arms, heraldics, historiography, Polish heraldics, Polish nobility.

Польская геральдика – явление уникальное. Существуют две геральдические системы – польская и европейская, различия между которыми обусловлены спецификой генезиса. Исследования польской геральдики в России по большей части касались вопроса об ее влиянии на российское геральдическое пространство. Начиная с середины XIX в. и до настоящего времени данная проблема рассматривалась ведущими специалистами отечественной науки. Польский вклад в российскую геральдику оценивался по-разному, существует несколько точек зрения по этому вопросу.

Развитие польской геральдики напрямую связано с развитием польского дворянства – шляхты². Обозначить ее единый образ практически невозможно из-за резких религиозных различий и внутренней социальной разобщенности сословия. Следует выделить полное равенство всех польских дворян, которому сопутствовал особый стиль общения в шляхетской среде. Наряду с сословным росло и родовое самосознание. В Польше в XVI–XVII вв. появился огромный интерес к генеалогии. Шляхтич бывал чрезвычайно горд, если находил упоминание о своем гербе или роде в «Истории славного Польского королевства» Яна Длугоша [12, 198]. Кто не мог этим похвастаться, создавал свою легенду. Появлялось огромное количество ложных и фантастических генеалогий. В XVI в. шляхетский герб становился знаком принадлежности не столько к роду, сколько к сословию. Генеалогическое сознание шляхты расширяется. Самый узкий его круг – семья и ближайшие родственники. Самый широкий

© Закатаева А.С., 2011.

² Польское шляхта, szlachta – происходит от нем. des schlecht, «род».

– «паны-братья» всей Польши и в какой-то степени Речи Посполитой.

В Польше отсутствовало западноевропейское рыцарство со своими правилами и установлениями, а значит, и гербы не могли образоваться самостоятельно. В Западной Европе герб подчеркивал индивидуальность владельца. Система же польской геральдики отличается от западной своим простым составом. Герб принадлежал множеству различных фамилий и терял свою связь с личностью владельца – в Польше было развито родовое начало. Соседние землевладельцы, находившиеся первоначально в родственных между собой связях, в случае угрожавшей им опасности собирались под одно общее знамя, на котором помещался какой-либо знак, перешедший затем и к лицам, собиравшимся около этого знамени. В XIX в. польский историк Ф. Пекосинский доказывал, что самые древние знаки на печатях польского дворянства происходят от рунических письмен, занесенных в Польшу еще в конце VIII - начале IX вв., когда несколько лехитских племен в местности между Вартой и Одрой положили начало польскому государству [10, 16]. Представители этих племен, живущие в соседстве с норманнами, переняли от них применение рунических письмен в качестве знаменитых знаков. Со временем из-за ряда причин эти знаки видоизменялись. В XIV в. они были подчинены точным геральдическим правилам. Так, по мнению Пекосинского, сложилась польская система гербов. Ю.В. Арсеньев объясняет фактом самобытности польской геральдики отсутствие заимствования опыта западноевропейской, ведь главная часть последней – геральдические фигуры – в ней почти отсутствуют [1, 291].

При Казимире III Великом (1310–1370) усилилось влияние западной геральдики и началось преобразование родовых знаков в гербы. После Люблинской унии 1569 г. главной целью политики польское правительство ставило объединение литовско-русских земель с польскими, уравнивание в гражданских правах литовско-русской знати с польским дворянством. Герб или гербовая

клейнода высоко ценилась тогда как атрибут благородного звания, и литовско-русская аристократия стремилась к получению подобного отличия.

Изображения на польских гербах отличались простотой. Основными приметами польско-литовских гербов можно считать использование герба Литовского княжества – погоня и герба Польского (Гедиминовичи, Голицыны, Куракины, Трубецкие, Хованские и др. в России) [3]), изображение подковы, стрелы, сабли. Присутствие в польских гербах изображений звезд, полумесяца, креста в прошлом порождало идеи о татарском происхождении дворянских родов, однако это мнение было опровергнуто в исследованиях Думина С.В. [13, 27].

Данный вопрос вызывал в свое время множество споров и дискуссий как среди русских, так и среди польских исследователей, и сейчас эта проблема является темой для многих исследований.

В XVIII в. стали появляться первые работы, посвященные формальным правилам составления гербов и ориентированные в основном на европейский опыт (работы доктора права Кенигсбергского университета И.-С. Бекенштейна, книга профессора Геттингенского университета И.-Х. Гаттерера и др.). Родовые гербы воспроизводились в генеалогических публикациях, но это не было обязательным требованием [9, 36].

К родовой геральдике возникает интерес только к концу XVIII в., когда наиболее важной считалась связь герба с социальным статусом владельца, а для молодых дворян считалось обязательным уметь разбираться в гербах. По мере роста количества гербов предпринимались попытки их кодификации.

Существование системы польско-литовской геральдики воспринималось русскими властями не только как реальный, но и как юридический факт. Ю.В. Арсеньев подчеркивает важность перехода под польское подчинение ряда областей юго-западной России. Это привело, по его мнению, к заимствованию польских гербов русскими дворянами.

Эти гербы представляли особенный интерес для него как прототип для дальнейшего составления русских гербов. При царе Алексее Михайловиче многие дворянские фамилии из Литвы, Малороссии и Смоленска, переходя на службу к русскому государю, переносили с собой свои гербы, которые позднее, в конце XVII в., были за ними утверждены. Лишь небольшая часть дворянства западных губерний решалась на значительные расходы, с которыми было сопряжено обращение в Департамент Герольдии для изготовления гербового диплома или внесения герба в Общий гербовник. Тем не менее, среди высочайше утвержденных гербов российского дворянства гербы польско-литовских родов составляли значительный процент. Научного интереса к изучению родовой геральдики не было, и лишь в XIX в. отношение к ней изменилось.

В начале XIX в. геральдическая наука была национально ориентирована. В дворянских семьях знание русских гербов и умение в них разбираться говорило об интересе к истории своего государства, рассматривалось как проявление патриотизма [7, 136]. Российская геральдика считалась самобытной, к геральдическому опыту западных стран практически не обращались. Единственным исключением стала Польша, которая рассматривалась, прежде всего, как часть Российской империи, а, следовательно, не воспринималась как нечто чуждое. Еще одной причиной обращения к польской геральдике стало признание ее древности, что являлось в то время немаловажным фактором признания ее научного значения. В этот же период начало признаваться влияние польского геральдического опыта на развитие российской геральдики.

Публикации, посвященные польской геральдике, были разнообразными. Издавались как российские работы, так и переводы польских трудов. Был опубликован Оршанский гербовник, ряд общих работ о становлении и развитии польской геральдической системы. В 1853 г. был издан «Гербовник дворянских родов Царства Польского», яв-

лявшийся аналогом «Общего гербовника...», что рассматривалось как вхождение польского герботворчества в сферу российской геральдики.

Наиболее обсуждаемым вопросом стал вопрос о влиянии польской геральдики на русскую. Активные обсуждения велись и в России и в Польше. Результатом стали многочисленные публикации в обеих странах. Иногда споры из научных перерастали в политические. Так, например, князь Н.К. Имеретинский доказывал, что известный польский геральдист К. Несецкий способствовал проведению определенной политики по отношению к русским дворянам, оказавшимся на территории Западного края, которая содействовала смене вероисповедания с православия на католичество и внутрисословному расколу [6, 7]. Хочется отметить, что такое отношение было не единичным. В литературе XIX в. очень часто проскальзывала мысль о коварстве поляков, которые изображались как шпионы и предатели, основной целью которых было склонить русского человека к предательству Отечества и веры.

Говоря о влиянии польского опыта, нельзя не остановиться на дискуссии, развернувшейся в Польше. Польский историк Ф. Пекосинский однозначно указывал на взаимосвязь польского и русского опыта, категорично заявляя, что «с тех пор, как русская геральдика становится настоящей геральдикой, она заимствует свои образцы единственно только из польской геральдики и ниоткуда больше» [11]. Несмотря на излишнюю однозначность подобных оценок, они более соответствовали исторической реальности, чем позиции оппонентов Ф. Пекосинского А. Яблоновского и А. Малецкого, отрицавших очевидную связь между польскими и русскими гербами [8, 49].

С.Т. Голубев подверг обстоятельному анализу панегирики XVII в., часто содержавшие геральдические компоненты. Всесторонне рассматривая смысловую нагрузку, структуру и приемы «герботолкований», исследователь пришел к убедительному выводу, что они, хотя и получили широкое распростра-

нение в южнорусской литературе, не были явлением самобытным, находясь под сильным влиянием польских традиций [9, 157].

Исследования в области польской геральдики носили также и сугубо научный характер. Авторы публикаций обращались в основном к историографии, а не к конкретным гербам. К концу XIX в. сложилась концепция А.Б. Лакиера, носившая национальный характер и основывавшаяся на представлении о древности русских гербов и на идее самобытности геральдического опыта, его коренном отличии от западного образца. Цель концепции – оспорить факт заимствования института герба из Западной Европы, показать его глубокие национальные корни и автономность генезиса. Из этого вытекал второй постулат — о самобытности явления. Ориентируясь на родовую геральдику, А.Б. Лакиер подчеркивал тесную связь гербов с историей дворянства, а поскольку он считал, что феодализма в России не было, то и социальные характеристики русского и европейского дворянства не совпадали. В России отсутствовало рыцарство, не проводились турниры, не было участников крестовых походов. В Европе древнее дворянство сложилось, в основном, из потомков тех, кто завоевывал страну. Резко, по мнению А.Б. Лакиера, отличались и права на недвижимую собственность. В Европе наделение рыцаря участком земли приводило его в отношение подчинения к «вождю», означавшее ограничение в некоторых правах. В России система вассалитета в таком виде не существовала, «во главе коренного русского дворянства» стояли потомки удельных князей.

Ему возражал Ю.В. Арсеньев, доказывавший, что наша русская геральдика, появившаяся не раньше второй половины XVII в., имела уже готовые образцы в тех гербах, которые во множестве завозились в пределы Московского государства не только из соседней Польши и Литвы и возвращенных русских областей, но также и многочисленными выходцами из других стран Западной Европы. Это не замедлило, конечно, повлиять на появление и развитие у нас геральдического

вкуса. В своих исследованиях Ю.В. Арсеньев подчеркивал последствия перехода под польское подчинение ряда областей юго-западной России. Это привело, по его мнению, к заимствованию польских гербов русскими дворянами. Эти гербы представляли особый интерес для него как прототип для дальнейшего составления русских гербов. При царе Алексее Михайловиче многие дворянские фамилии из Литвы, Малороссии и Смоленска, переходя на службу русского государя, переносили с собой свои гербы, которые позднее, в конце XVII в., были за ними утверждены [1, 198].

Идеи А.Б. Лакиера и в наши дни находят своих сторонников, которые имеют возможность провести более обширные исследования и привести новые доводы. К примеру, по словам М.Ю. Медведева, приблизительно в 1680-х гг. открывается первый период отечественной геральдической истории, который может быть с долей условности определен как период преобладания самобытной геральдики, так называемый доканцелярский период.

В начале XX в. интерес к польской геральдике угасал, что явилось следствием общественно-политических настроений. Было издано несколько справочных работ по родовым гербам В.К. Лукомского и С.Н. Троицкого, в которых в очередной раз подчеркивалось их принадлежность к российской геральдике [9, 196]. Началось изучение украинского опыта, считавшегося синтезом польского и русского влияний.

После 1917 г. в России началось осмысление геральдической системы с точки зрения марксистской идеологии, где герб носил внеклассовый характер. Основная научная работа велась в эмиграции, где были доступны европейская литература и источники. В Советском Союзе геральдика присутствовала лишь в курсе исторических дисциплин в некоторых вузах. Научные исследования маскировались под музейную проблематику.

В целом, польская геральдическая система оказала значительное иконографическое влияние на становление российского гераль-

дического пространства. Это влияние было гораздо большим, чем воздействие на него других европейских стран. Споры об этом явлении подтолкнули русских исследователей к более глубокому изучению собственного геральдического пространства, что привело к появлению новых концепций, изданию ряда исторических трудов, а значит, и становлению русской геральдики как науки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арсеньев Ю.В. Геральдика. Ковров, 1997.
2. Гербовник дворянских родов Царства Польского. Варшава, 1853.
3. Дворянские роды Российской империи. СПб.: ИПК Вести, 1993.
4. Дмитриев М.В. Польская шляхта в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство в XVI–XVII вв. Границы сословия: Сб. статей. М., 1997.
5. Думин С.В. Польские родовые гербы в юридической системе родовой геральдики Российской империи // 275 лет Геральдической службы России. СПб., 1997.
6. Имеретинский Н.К. Дворянство Волынской губернии. Польская Геральдика. Житомир, 1867.
7. Лакиер А.Б. Русская геральдика. М.: Книга, 1990.
8. Молявко-Высоцкий А.П. Польская геральдика // Гербоведъ. 2000. № 46.
9. Наумов О.Н. Отечественная историография геральдики. Ч. 1. М., 2003.
10. Пекосинский Ф. Рунические знаки в польской геральдике // Дворянский адрес-календарь, СПб., 1898.
11. Пекосинский Ф. Источники русской геральдики // Heraldica. СПб., 1900.
12. Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши / Пер. с польск. М.: Изд-во «Весь Мир», 2004.
13. Dumin St. Herbarz Rodzin Tatarskich Wielkiego Księstwa Litewskiego. Gdansk, 2007.